Мечты сбываются
Рассказы » Романтика + юмор и перевод
31 марта 2022

00:27.

Я не могу поверить, что он действительно спит рядом со мной.

Всего шесть недель назад мы встретились в самом банальном месте: на выпускной лекции по использованию электронной микроскопии в изучении пластической деформации.

Его улыбка осветила комнату, а от тех ямочек у меня подкосились колени. Я наблюдала за ним весь семестр, но была слишком застенчива, чтобы что-то сказать. А потом вдруг он появился после лекций и спросил, не хочу ли я выпить кофе.

Мы много болтали о том, как он провёл год в Перу, преподавая английский как иностранный, какой это был удивительный опыт и как это просто испортило ему вкус к американскому кофе. И всё же мы были здесь. Он пил кофе. В Америке. И я была благодарна ему за это. Я ужасно люблю светскую беседу, особенно когда нервничаю, поэтому я с удовольствием слушала, как он рассказывал мне всё о Перу, неправильно произнося одно испанское слово за другим с уверенностью тореро.

Секс был раскалённым, таким, каким секс может быть только новый секс. Когда он опустился на меня в первый раз, я кончила так сильно, что думала, что потеряю сознание.

Мне трудно поверить, как быстро всё изменилось. Кажется, только вчера я вожделела его издалека и сокрушалась о том, что никогда не наберусь смелости подойти к нему.

И вот теперь мы вместе в его постели. Он крепко спит, положив руку мне на бок. Его волосы, растрёпанные от секса, торчат во все стороны, и каким-то образом это делает его ещё более сексуальным. Он выглядит таким уютным под этим пышным пуховым одеялом. Он совершенно доволен, и ему наплевать на всё на свете.

И он храпит.

Он ХРАПИТ.

Так что... Блядь. Громко.
• • •
00:33.

Я не собиралась оставаться на ночь. Я за то, чтобы всё было как обычно. Если я собираюсь сделать из себя что-то в этой учебной программе, у меня нет времени ни на что серьёзное.

Но у меня всегда были проблемы с уклонением от конфликтов. Я бегу как от чумы даже от слегка неудобных разговоров. Это что-то вроде моего криптонита. Если я закажу стейк средней прожарки, а подадут сильно прожаренный, я съем его краями и скажу, что не так уж голодна, просто чтобы мне не пришлось просить официанта забрать его обратно. Если кто-то не вкладывается в групповой проект, я бы предпочла сама выполнить дополнительную работу, чем разговаривать с ленивым бездельником о том, чтобы он старался больше. Я патологическая любительница угождать людям. Это отстой.

Поэтому, когда Брэд попросил меня приехать к нему домой, чтобы подготовиться к завтрашнему экзамену, я согласилась, хотя я хотела остаться дома и сделать обзор самостоятельно. По правде говоря, ему нужна была дополнительная помощь. И, как бы глупо это ни звучало, я чувствовала себя в некотором роде обязанной, поскольку мои неотразимые чары были одной из причин, по которой он пренебрегал учёбой.

Итак, я пришла, мы заказали курицу тандури и самосу, немного позанимались и занялись сексом. Потом, ни с того ни с сего, он попросил меня остаться на ночь.

«Я справлюсь с этим», — подумала я про себя. "Просто скажу, что мне нужно хорошо выспаться перед экзаменом, и вежливо откажусь. Он поймёт. Или, ещё лучше, превращу это в шутку. Скажу ему, что я не верю в то, что смогу удержать свои руки при себе, поэтому возвращение домой — единственный способ убедиться, что мы оба хорошо выспимся. Просто скажу "нет". Прямо сейчас".

— Я с удовольствием останусь.

Боже, я ненавижу себя.
• • •
01:12.

Я закрываю глаза, откидываюсь на подушку и делаю всё возможное, чтобы заглушить шум. Прошлой ночью я так мало занималась, и я надеюсь, что наконец моя усталость возьмёт верх.

Нет.

Вместо этого шум, доносящийся из отверстия на его лице, кажется, становится громче. Как будто его храп набирает силу из-за моего растущего разочарования, как ураган, усиливающийся по мере того, как его подпитывают тёплые воды Карибского моря.

В его квартире с одной спальней нет других вариантов для сна, кроме старого дивана, который бугристый и грубый. Я подумываю о том, чтобы вставить наушники, но батарея моего телефона почти села, а зарядного устройства у меня нет с собой. Я могла бы поехать обратно к себе, но сейчас идёт снег, и я не хочу рисковать ночью на дорогах.

Я смотрю на его разинутый рыбий рот. Всего несколько часов назад это казалось таким приятным для поцелуя, особенно когда его губы кривились в озорной улыбке после того, как он сказал что-то неприличное. Теперь, с закрытыми глазами и расслабленными мышцами, те же самые губы напоминают край мокрой, булькающей смоляной ямы, извергающей ядовитые пары.

Нормальный человек разбудил бы его, сказал бы, что он храпит, и попросил бы его попробовать другую позу. Я не обычный человек. Мысль о таком простом разговоре наполняет меня ужасом. У меня есть миллион причин, и все они глупые: я не хочу ранить его чувства. Я не хочу показаться слишком требовательной. Я не хочу показаться эгоисткой из-за того, что нарушила его покой перед экзаменом.

Это просто кошмар.

На самом деле, кошмар был бы предпочтительнее. По крайней мере, это было бы во сне.
• • •
01:54.

Мой план прост: разбудить его, чтобы я могла заснуть. Как только я засыпаю, я довольно крепко сплю, и не думаю, что его храп будет меня беспокоить. Хитрость в том, чтобы прекратить его храп, а затем заснуть, прежде чем он снова начнёт храпеть.

Я начинаю с кашля. Сначала я веду себя тихо, но становлюсь всё громче и громче, пока в конце концов не начинает казаться, что я могу повредить свои голосовые связки.

Он даже не пошевелился. Хуже того, теперь я совсем не сонная, и у меня болит горло.

Я переключаюсь на удар ногой по его голени. У него тяжёлая нога, и она едва двигается. Я пинаю сильнее. Ничего.

Теперь я пристально смотрю на него, надеясь, что жара от моего кипящего взгляда будет достаточно, чтобы разбудить его. Не будет. Он счастливо храпит.

Я прижимаю ноготь среднего пальца к подушечке большого и медленно подношу к его лицу. Я чувствую его горячее дыхание на своём запястье. Я прицеливаюсь, убеждаясь, что всё выстроила правильно, затем сильно щёлкаю его по кончику носа.

Храп прекращается. Я засовываю руку под подушку, закрываю глаза и притворяюсь, что сплю. Я чувствую, как его вес смещается на матрасе, и открываю глаза достаточно, чтобы увидеть, что он сидит и потирает нос, на его лице растерянное выражение.

Я лежу неподвижно, пока он снова не ложится. Я устраиваюсь на матрасе, желая погрузиться в его мягкие глубины. Я сосредотачиваюсь на приятной тяжести одеяла надо мной и прохладном прикосновении подушки к моей щеке. Это идеально. Как раз в тот момент, когда я чувствую, что соскальзываю в беспамятство, его вес снова смещается, и он откидывается на спину.

По мере того как его тело успокаивается, моё становится беспокойным. Мой мозг уже предвкушает этот ужасный звук. Я чувствую, как эта прекрасная возможность ускользает. Я должна заснуть. Сейчас. Прямо сейчас.

"Ссснргггхххх..."

Ублюдок.
• • •
02:38.

Меня всегда восхищало, как всё меняется в условиях стресса.

Прямо сейчас каждый фыркающий, прерывистый вдох, который он делает, усиливает напряжение в моём теле. Я чувствую, как меня растягивают. Мне нужно что-то, чтобы снять напряжение. Если так продолжится и дальше, я сорвусь.

Но у меня есть план.

Я перекатываюсь на спину, закрываю глаза и провожу рукой между ног. Требуется некоторая работа, чтобы заставить себя двигаться дальше. Я пытаюсь вспомнить ощущение его рук на моей груди, давление его языка на мой клитор, похоть в его глазах, когда он скользит внутри меня. Моя киска начинает увлажняться.

Я делаю паузу, чтобы приподнять бёдра и снять нижнее бельё. Ещё через несколько минут я готова. Я поворачиваюсь на бок и кладу руку на его боксёры. Я легонько глажу его через ткань и вскоре чувствую, как он твердеет под моей ладонью.

Я наблюдаю за его лицом. Он всё ещё спит, но храп прекратился. Я просовываю руку под пояс его нижнего белья и сжимаю пальцы вокруг члена. Я чувствую, как его глаза распахиваются. Он смотрит на меня, и я одариваю его своей самой соблазнительной улыбкой.

Это всё, что требуется. Он притягивает меня к себе и прижимается своими губами к моим. Его руки в моих волосах, а его язык у меня во рту, горячий и нуждающийся.

Он откидывает одеяло, пока я стягиваю с него боксёры. Его член высвобождается, и я беру его в рот, пока он шарит в поисках презерватива на тумбочке. Я надеваю его и оседлаю его, постанывая, когда он погружается в меня.

Я поднимаю руки, когда он снимает футболку, в которой дал мне поспать, затем наклоняюсь вперёд, чтобы он мог взять мою грудь в рот. Я прижимаюсь к нему бёдрами, терзаясь клитором о его лобок. Он двигает руками к моей заднице, но продолжает позволять мне задавать темп.

Я чувствую, как нарастает мой оргазм, и двигаюсь быстрее, направляя всё своё сдерживаемое разочарование в нашу связь. Он двигается вместе со мной в идеальном ритме, и я чувствую, как волна вот-вот поднимется.

Я смотрю вниз и вижу похоть в его голодных глазах, которые выглядят так, как будто он хочет поглотить меня, и я понимаю, что он почти там. Я отчаянно двигаюсь, мчась за ним к финишу, но он опережает меня. Я чувствую, как он напрягается и его спина выгибается дугой вверх. Он толкается глубоко в меня и удерживает мои бёдра неподвижно, когда кончает.

Я наклоняюсь и настойчиво целую его, но он полностью измотан и разве что слегка заинтересован в том, чтобы поцеловать меня в ответ. Я прижимаюсь к нему, но он слишком быстро смягчается. Это бесполезно.

— Извини. Я не смог удержаться. Ты просто такая сексуальная.

— Всё в порядке, — вру я.

— Ты кончила?

— Ну, это было действительно приятно, но, может быть, ты мог бы, ну, знаешь, сделать то, что ты делал раньше? — спрашиваю я, улыбаясь, когда вспоминаю ощущение его рта на моём лоне.

— Я бы с удовольствием, детка, но я просто так устал. Если бы не этот дурацкий экзамен завтра... — он замолкает. Может быть, он замечает шок и разочарование на моём лице, потому что добавляет: — Я заглажу это завтра, хорошо? Обещаю.

Он целует меня в макушку, и всё.

Через несколько минут мы снова забираемся под одеяло. Он крепко спит на спине, счастливый и довольный.

Это нужно мне. Расслабленная и опустошённая всем своим гневом и разочарованием, я собиралась мгновенно задремать, прежде чем он успеет даже пикнуть. Я ненавижу его.

По крайней мере, он не храпит. Ещё.

Я закрываю глаза и пытаюсь успокоить свой разум, но теперь тело вибрирует от неудовлетворённой потребности. Вместо того чтобы снять напряжение, как я надеялась, мой маленький гамбит соблазнения утроил его.

Я не знаю, что делать. Должна ли я встать и попытаться заняться собой, чтобы снять напряжение? Или я должна списать это как проигранное дело и попытаться заставить своё тело уснуть?

Моя нерешительность приводит меня в бешенство. Время уходит, и каждая ускользающая драгоценная секунда тишины только злит меня ещё больше.

Хорошо. Я не могу заснуть в таком состоянии, так что я просто буду надеяться, что у меня будет достаточно времени, чтобы прийти в себя...

Нет. Слишком поздно.
• • •
03:06.

Если прислушиваться достаточно долго, то можно услышать приятный ритм его храпа. Наступает долгая пауза, наполненная прекрасной тишиной, сразу после того, как он вдыхает и перед тем, как выдыхнуть. И каждый десятый вдох или около того, после выдоха наступает гораздо более длительная пауза, за которой следует внезапный, громкий вдох.

Во время этой долгой паузы он на самом деле вообще не дышит. Я почти уверена, что это апноэ во сне. И я думаю, что апноэ во сне может привести к летальному исходу. Люди умирают от этого. Прямо там, во сне. И, забавный факт, когда они умирают, они больше не храпят.

Я ловлю себя на том, что жду каждой из этих долгих пауз с почти детским волнением. Что, если он просто, ну, как бы, перестал дышать? Разве это было бы не здорово?

Я имею в виду, может быть, здорово — не совсем подходящее слово, но это было бы хорошо.

При каждой долгой паузе я ловлю себя на том, что мысленно повторяю простую молитву:

"Пожалуйста, перестань дышать, пожалуйста, перестань дышать, пожалуйста, перестань дышать..."

Потом он вздыхает и всё портит.

Я действительно не хочу, чтобы он умер. Я не монстр. Я просто хочу, чтобы он больше не дышал. Это справедливо, верно?

Это было бы идеальным решением для такого неконфликтного человека, как я. Проблема просто как бы... исчезнет. Навсегда. И мне не придётся рисковать выглядеть плохим или ранить чьи-то чувства. Это беспроигрышный вариант! Ладно, может быть, в этом сценарии есть одна сторона. Одна сторона и одна смерть. Но я возьму то, что смогу получить на этом этапе.
• • •
03:25.

Я не помню точную цитату, но кто-то однажды сказал, что настоящая любовь означает любить кого-то не несмотря на его недостатки, а за них.

Раньше я думала, что это самая глубокая и романтичная вещь, которую я когда-либо слышала. Это действительно задело меня за живое, идея любить и принимать кого-то — всего кого-то — таким, какой он есть, и не просто терпеть, а на самом деле лелеять его причуды и слабости. Какая прекрасная идея.

Хотела бы я вспомнить, кто это сказал. Потому что, если бы я это вспомнила, я бы прямо сейчас поехала к нему домой и затащила его под дулом пистолета обратно в эту кровать.

Затем я свяжу его и заставлю слушать храп Брэда столько времени, сколько потребуется, чтобы сломить его. Я бы увидела это в его глазах, когда это случится. В его взгляде было бы невысказанное извинение, признание ошеломляющей глупости слов, которые он когда-то произнёс, наряду с настоятельной просьбой положить конец страданиям.

Я была бы справедлива и милосердна, и он был бы благодарен за это. Когда подушка опустилась бы на нос и рот, он приветствовал бы её как старого друга.

Тогда я бы вышла в мир и нашла свою настоящую любовь. Мужчину, который хочет провести со мной остаток своей жизни. Мужчину, который дорожит мной. Мужчину, который любит меня не несмотря на то, что я задушила незнакомца подушкой, а за это.
• • •
03:41.

Его лицо заставляет меня хихикать.

Я нахожусь на том причудливом пересечении усталости и отчаяния, когда всё становится смешным.

И прямо сейчас его глупое, всасывающее воздух лицо чертовски забавно.

Я так стараюсь подавить смех, что кровать трясётся. Как это его не разбудило?

Особенно громкое фырканье сотрясает всё его тело, как мини-припадок, и я теряю самообладание. Слёзы текут по моим щекам. Я не могу дышать. Я собираюсь описаться. Прямо здесь, в его постели.

В какой-то момент во время моего приступа неконтролируемого смеха я замечаю странный звук. Сначала я не могу точно определить, что это такое. Потом я вспоминаю, как это называется.

Ти-ши-на.

Я бросаю взгляд на Брэда. Его рот открыт, но он дышит как обычный человек, а не как горный тролль.

Проходит минута. Затем две. Отсутствие звука — это жутко.

Мой смех затихает, когда на меня обрушивается серьёзность момента. Я пытаюсь не допустить этого, но в мою душу снова просачивается струйка надежды.

Я расслабляю своё тело на матрасе, не смея передвинуть конечности. Мои щёки мокры от слёз, но я не вытираю их.

Я замедляю дыхание.

Я закрываю глаза.

Он начинает храпеть.
• • •
03:58.

Знаешь, что самое смешное?

Ничего.

Нет ничего смешного. Ничто и никогда больше не будет смешным.

Жизнь — это бездонный океан боли, за которым следует вечная чернота.

Когда я была ребёнком в церкви, наш священник рассказал нам о достопочтенном Беде. Я запомнила это имя, потому что оно звучало так странно. Почему люди с многозначительными именами, — это святые и серийные убийцы? Достопочтенный Беда. Джек Потрошитель. Сомневающийся Томас. Странник.

Как бы то ни было, старина Беда однажды написал, что жизнь здесь, на земле, подобна полёту воробья через медовый зал холодной зимней ночью. Прежде чем воробей влетит в медовый зал, там будет просто темнота. Потом воробей влетает в окно и говорит:

— Эй! Тепло. Свет. Музыка. Вкусные запахи. Это потрясающе!

Прежде чем он осознаёт это, он вылетает в другое окно и снова погружается во тьму. Это короткое время внутри медового зала — это жизнь, сказал Беда, и мы понятия не имеем, что будет в вечности до или после, поэтому мы должны дорожить этим.

Это острая метафора, но я думаю, что она немного не попадает в цель.

Это больше похоже на следующее: воробей влетает через открытое окно в холодную, темную квартиру и пролетает над бесформенной фигурой какого-то спящего монстра, который издает самый отвратительный шум в мире. Воробей смотрит вниз и спрашивает: "Что это за хрень?", и он так отвлекается, что врезается в противоположную стену, ломает шею и падает на пол — парализованный, но не мёртвый — так что он вынужден лежать там, снова и снова слушая этот непрекращающийся храп, обездвиженный и бессильный остановить это, пока энтропия и время, наконец, не вступят в сговор, чтобы положить конец его страданиям.

Такова жизнь, Беда.
• • •
04:10.

Мои зубы кажутся отвратительными. Я всегда чищу их перед сном. Всегда. Но я не планировала оставаться на ночь, а это значит, что я не взяла с собой зубную щётку, а это значит, что я не чистила зубы, а это значит, что мои зубы чувствуют себя чертовски отвратительно.

Даже если бы он перестал храпеть прямо сейчас, я не думаю, что смогла бы заснуть с нечищенными, отвратительными зубами.

Может быть, у него есть запасная зубная щетка. Я сбрасываю одеяло и иду по коридору в ванную. Я наступаю на что-то острое и вскрикиваю от боли. Его ремень, тот самый ремень, который я сорвала с него сегодня вечером в более счастливые времена, лежит на полу. Зубец пряжки торчит прямо вверх. Я сердито пинаю его о стену и, хромая, добираюсь до ванной.

Храп Брэда дразнит меня на каждом шагу. Ни моего крика боли, ни моего надругательства над его невинным ремнём было недостаточно, чтобы разбудить его. Он невосприимчив ко всякому шуму, как какой-нибудь дремлющий супергерой.

Удивительно, но у него в ванной есть запасная зубная щетка в упаковке, вероятно, после визита к стоматологу. Слава Богу.

Я разрываю упаковку, производя максимум шума. Я сердито чищу зубы, как будто пытаясь наказать свой рот за его постоянное нежелание говорить громко, и просто неспособность говорить людям "нет". Возьми это, десна.

Мне нужно ополоснуть рот. Жёсткий пластиковый стаканчик стоит на краю раковины. Я тянусь за ним, но случайно сталкиваю его в раковину, где он гремит и издает потрясающий шум.

Инстинктивно я пытаюсь ухватить его, но в моём сонном состоянии всё, что мне удаётся сделать, — это сбросить его с раковины на кафельный пол, где он гремит ещё громче, подпрыгивая и танцуя по холодным плиткам, как петарда.

Вместо того чтобы пытаться схватить его, я просто улыбаюсь и наблюдаю. Посмотрим, как он проспит всё это. В конце концов, стаканчик останавливается.

— Эми? Ты в порядке?

Голос Брэда звучит обеспокоенно. Это мило, и я чувствую, что мой гнев начинает немного утихать.

— Да. Только что опрокинула стаканчик. Извини.

— Всё в порядке.

Он зевает.

— Может быть, просто, знаешь, постарайся немного потише. Завтра экзамен и всё такое.

Потише? Моя ярость вспыхивает ослепительным огненным шаром. Он только что попросил меня говорить потише? И напомнил мне, что завтра экзамен?

— У тебя есть бритва?

— Что? — сонно спрашивает он.

Этот ублюдок снова почти заснул.

— Бритва. У тебя есть бритва? — повторяю я, растягивая и произнося слова, как будто говорю с ребёнком.

— За зеркалом, — бормочет он.

Он даже не спрашивает, для чего это нужно. И это хорошо, потому что я собираюсь использовать бритву, чтобы превратить конец зубной щётки в заточку.

Потом я, прихрамывая, вернусь в его комнату и встану над ним с зубной щёткой в руке. Я буду звать его по имени, пока он не проснётся, и последнее, что он увидит, — это меня, маниакально улыбающуюся и с пеной у рта от зубной пасты, когда я вонзаю заострённую зубную щетку прямо ему в шею.
• • •
04:16.

Моя ярость приносит с собой внезапную ясность. Это поражает меня, как холодная вода, которую я прихлёбываю из своих рук, сложенных чашечкой под раковиной в ванной.

Это моя проблема, а не его. Если я просто разбужу его, что мне давно следовало сделать, он извинится и, вероятно, предложит перебраться на диван или что-то в этом роде.

Я так переполнена гневом, что нет места для беспокойства о том, как выразить это вежливо или как он может отреагировать. Я собираюсь это сделать. Я собираюсь встретиться с ним лицом к лицу.

Я чувствую прилив восторга. Это даёт мне силы осознать, что я могу преодолеть свои пагубные жизненные проблемы с избеганием конфликтов, просто доведя себя до убийственной ярости. Я должна написать книгу по самопомощи.

Я иду из ванной обратно в спальню и трясу его за плечо.

— Брэд. Брэд!

— Хм?

— Ты храпишь.

— Да?

— Да. Это не даёт мне уснуть. Всю ночь.

— О, извини, — говорит он.

Но в его голосе не слышно сожаления. Он просто говорит так, чтобы я замолчала.

— Не волнуйся, — продолжает он, зевая и перекатываясь к центру кровати. — Ты привыкнешь к этому. Ты просто... вроде как должна... отключиться от этого...

Его слова затихают, когда он засыпает посреди тирады.

Я подумываю о том, чтобы вернуться за зубной щеткой. Я уверена, что смогу убедить присяжных в том, что это было оправданное убийство. Может быть, я даже получу от этого классное прозвище.
• • •
04:22.

Он всё ещё жив. На сегодня. Я струсила.

Я стою над ним, но вместо того, чтобы держать заточку, я держу чашку с тёплой водой с температурой, максимально близкой к температуре тела. Я знаю, что это дерьмовый выход из ситуации, но мне всё равно.

Именно мой приступ хихиканья в начале ночи вдохновил меня на эту идею. Я чуть не описалась. Это было бы неловко, не так ли?

Я подхожу к своей стороне кровати и откидываю одеяло. Я опускаю чашку на матрас и начинаю наливать воду примерно в 15 см от его промежности. Влажный круг распространяется наружу, затемняя простыню и, благодаря волшебству капиллярного действия, пропитывая ткань спереди его боксёров. Вода достаточно тёплая, чтобы он даже не заметил.

Я возвращаю чашку в ванную, затем быстро перекатываюсь на свою сторону кровати, где хорошо и сухо.

Я жду несколько минут, затем сажусь и натягиваю одеяло ему на талию.

Я прищуриваю глаза, как будто я спала, и изо всех сил стараюсь говорить так, как будто я только проснулась.

— Брэд? Брэд? — Я трясу его, пока он не зашевелился.

— Серьёзно? — он вздыхает. — Что сейчас?

В его голосе звучит раздражение.

— Почему матрас мокрый?

— Что?

— Матрас, — я указываю на тёмный круг в середине кровати. — Мокрый.

Он садится и натягивает одеяло поглубже. Он смотрит на мокрое пятно и несколько мгновений кажется совершенно сбитым с толку. Затем его взгляд падает на боксёры, и на его лице появляется выражение ужаса.

— Я... не знаю, — заикается он. — Раньше...когда мы были... ты, типа, брызгала или что-то в этом роде?

Я качаю головой. Нет, ты очаровательный, самодовольный идиот. Я не брызгала или что-то в этом роде.

— Я не знаю, что... Я думаю, может быть... Я могу сменить простыни, — предлагает он тихим голосом.

Мне почти жаль его. Почти.

— Всё в порядке, — говорю я. — Давай просто немного поспим. У нас завтра экзамен, ты же знаешь.

По выражению его лица я могу сказать, что сегодня ночью он больше не будет спать.

Девушка получше меня сказала бы, что она не гордится тем, что сделала.

Но я горжусь. Такая очень, очень гордая.

Затем напряжение покидает моё тело, когда я перекатываюсь на левый бок и закрываю глаза. Я слушаю, как он тихо соскальзывает с кровати и идёт к дивану.

Я не беспокоюсь о каких-либо неудобных разговорах завтра, потому что я знаю, что он больше не поднимет эту тему. Когда-либо. Кроме того, сегодня я в последний раз встречаюсь с Брэдом вне класса. Он горячий и всё такое, но мне нужно сосредоточиться на учёбе.

Я зарываюсь в подушку и натягиваю одеяло до подбородка. Это кажется божественным.

Я знаю, что мои проблемы с избеганием конфликтов нездоровы и нуждаются в решении. Мои друзья уже некоторое время советуют мне обратиться к профессионалу. Вероятно, это разумный совет, и я просто могла бы записаться на приём.

Но сначала, думаю, я посплю.